

УДК 323.1

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.17

Лавирование среди айсбергов: модели этнической политики Норвегии¹

© **Котлова** Екатерина Сергеевна, магистр философии в области изучения коренных народов, художественный редактор журнала «Арктика и Север». E-mail: ekaterina.kotlova@yahoo.com

Аннотация. Долгие годы Норвегия считается одной из стран мира, удачно реализующих свою этнокультурную политику в отношении коренного населения и мигрантских групп. В этой связи норвежский опыт представляет интерес для России, ее северных и арктических регионов. Настоящая статья посвящена современному состоянию модели этнокультурной политики Норвегии на

севере, которая, по мнению автора, основана на концепции мультикультурализма, видоизменённой под влиянием интенсификации современных миграционных процессов и возможности радикализации отдельных социальных групп и идеологий и трансформируется в модель культурного многообразия.

Ключевые слова: модели этнической политики, мультикультурализм, культурное многообразие, коренные народы, мигранты

Maneuvering between icebergs: ethnic policy models in Norway

© **Ekaterina S. Kotlova.** Master in Philosophy in Indigenous studies, Art editor “Arctic and North” journal. E-mail: ekaterina.kotlova@yahoo.com

Abstract. Norway is considered one of the countries with a successful ethnic policy towards both indigenous people and migrant groups. The article is devoted to the analysis of the modern ethnic policy model in Norway. Norwegian experience in moderating ethnic interaction seems to be interesting for Russia and its northern and Arctic areas. The author is convinced that modern Norwegian ethnic policy grounded on multiculturalism is in transition towards so-called “diversity model”. Such a transition is caused by the intensification of migration and a threat of radicalization of particular social groups and ideologies.

Acknowledgements: Hjertelig takk til Signe og Bjørn for herlig selskapet og den fantastiske og inspirerende utsikten fra stuen.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, в рамках проекта «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этно-национальной политики в условиях стабильного развития регионов», №15-18-00104

Keywords: *ethnic policy models, multiculturalism, cultural diversity, indigenous people, migrants*

Введение

До середины XX века никто и подумать не мог, ни в самой Норвегии, ни за рубежом, что вопросы национальной политики страны станут настолько актуальны. Изменения в норвежской экономике после войны привели к тому, что государство получило достаточно финансовых возможностей, чтобы претворить в жизнь мечты своих граждан о стабильности и процветании. Так появилось государство всеобщего благосостояния, а норвежская социальная система стала привлекательной для мигрантов со всего мира. Конец 1970-х годов принёс изменения с норвежскую политику, прежде всего, в отношении коренного населения — саамов, чья культура, традиции и идентичность в течение столетий, в лучшем случае, игнорировалась, а в худшем — притеснялась. Сегодня норвежские саамы при поддержке государства успешно работают над сохранением и развитием своей культуры, а также совместно решают целый блок вопросов политического представительства и прав саамов в Норвегии. С 1989 года функционирует Саамский Парламент.

Опыт Норвегии в разрешении культурных и этнических противоречий и модерации этнического взаимодействия может быть в определенной степени полезен для России, которая также сталкивается с проблемами в отношении коренных народов и мигрантов из азиатских государств, в том числе на севере страны. Этнические аспекты внутренней политики России намного сложнее, в виду того, что наша страна более многообразна в культурном и этническом плане. Однако ситуация в северных регионах имеет множество схожих черт, особенно когда дело касается коренных народов Севера (КНС), сохранения и развития их культуры. В отношении мигрантов, Норвегией накоплено несколько десятилетий опыта по созданию системы интеграции людей с различным культурным и конфессиональным опытом, что также является интересным для России при условии развития северных территорий.

В статье рассматриваются модели этнической политики Норвегии в отношении коренного населения, а также мигрантских групп. В этой связи наиболее важным представляется проанализировать не только сами этнополитические модели на примере северных регионов, обстоятельства, повлёкшие за собой изменения государственной политики, но и их эффективность. Норвегия, страна с относительно гомогенным населением, но все более возрастающей миграцией, на сегодняшний день оказалась, как, впрочем, и другие страны Европы, в сложной ситуации с сирийскими беженцами, сопоставимой по масштабу с событиями середины 1990-х годов, когда Норвегия приняла более 11 тысяч боснийцев.

Кроме того, возникают опасения, что появление многотысячной группы сирийцев может вызвать негативную реакцию в толерантном норвежском обществе. Опасения связаны, прежде всего, с террористической атакой 22 июля 2011 года и последующими заявлениями её виновника, А. Брейвика о том, что своими действиями он хотел привлечь внимание к проблеме исламизации Европы и выступить против мультикультурализма [1]. Таким образом, в 2011 году стало понятно, что мультикультурализм не так успешен, как казалось, а в норвежском обществе присутствуют антимигрантские, антиисламские настроения. Последующие четыре года дебатов и обсуждений привели к трансформации системы и позволили перейти к так называемой модели «культурного многообразия», эффективность которой будет проверена современной ситуацией, в том числе с сирийскими беженцами.

Модели этнической политики на Севере Норвегии: историческая перспектива

Этническая политика Норвегии на Севере имеет достаточно длительную традицию изучения. Современные теории и методологические подходы к изучению государственной национальной политики на Севере во многом связаны с процессами деколонизации и ревитализации саамов, начавшимся несколько десятилетий назад, а также интенсивной миграцией и печальными событиями 2011 года в г. Осло. За последние десятилетия вышло огромное количество научных работ, посвящённых культуре, политическому представительству и гарантий прав коренных народов, образованию, медицине, проблемам гендерного равенства и дискриминации. На севере Норвегии исследования ведутся сотрудниками Арктического университета Норвегии в г. Тромсё, при котором существует Саамский центр, а также представителями Саамского Колледжа в г. Каутокейно. Классическими в области теории и методологии изучения коренных народов стали работы: норвежского антрополога Ф. Барта [2], исследовательницы из Новой Зеландии Л. Т. Смит, разрабатывающей деколонизационную методологию исследования культур коренных народов [3], политического философа из Канады У. Кумлики по либеральной теории мультикультурализма [4], а также работы Б. Андерсена в области изучения национализма [5].

Тема мигрантов постоянно будируется на страницах научных изданий и в прессе, в том числе продолжают научные дебаты вокруг концепций толерантности, равенства и солидарности, которые являются первостепенными для норвежского общества. С точки зрения этнической политики интересны работы Института миграционной политики и специалистов Университета г. Осло, подготовленные специально для Норвежского директората по миграции (UDI) с целью анализа эффективности этнической политики Норвегии, вероятных проблем, направлений развития и совершенствования [6, 7, 8].

В историко-политическом контексте этническую политику Норвегии целесообразно рассмотреть в рамках четырёх основных моделей, разработанных норвежским исследователем Эйнарсом Ниemi непосредственно для истории этнических групп в Северной Норвегии [9]: *аккультурация, сегрегация, ассимиляция и мультикультурализм*, чьё успешное существование на сегодняшний день ставится под сомнение [10].

Аккультурация, как одна из моделей национальной политики, подразумевает наличие контактов между различными этническими группами, сопровождающихся диффузией элементов культуры: каждая из участвующих во взаимодействии групп перенимает элементы культуры другой группы и наоборот. Аккультурация сближает, обогащает, изменяет культуры, создает общие структурные элементы, отражённые в языке, религии, обрядах и пр. Проявления аккультурации заметны как в социокультурном, так и в психологическом плане, помимо изменений самой культуры происходит психологическая адаптация к существованию в тесном взаимодействии с другой культурой. Особенно ярко аккультурация заметна в пограничных областях. Её отголоски можно найти, например, в существовании языка «руссенорск», применяемого для общения русских и норвежских торговцев в XVII—XX веках.

Изучение аккультурации начинается в недрах американской культурной антропологии XX века, с работ Р. Редфилда, Р. Линтона, М. Херскович и др. С позиции политической науки данный процесс начал рассматриваться позднее. В таком контексте она означает, прежде всего, сохранение культуры при одновременном включении этой культуры в другую. Так происходило с норвежскими саамами, когда на их земле стали появляться норвежцы, начиная с XIV века. Письменные источники свидетельствуют о том, что в XII—XIII веках интересы скандинавских государств в саамских землях сводились к сбору налогов [11]. Примерно с этого периода начинаются первые попытки христианизации саамов [12]. Контакты культур приводят к тому, что начинают усваиваться отдельные её элементы. Так, например, под влиянием соседних культур саамы становятся христианами. Однако положение саамов было несколько сложным в виду того, что они проживали на территории четырёх государств (Норвегии, Швеции, Финляндии и России) и не признавали государственных границ. Как следствие, саамы были нередко вовлечены в международные конфликты. Данное обстоятельство привело к тому, что в 1751 году был разработан и утвержден Саамский кодекс для норвежских и шведских саамов. Документ был дополнением к договору о границе, подписанным датским и шведским королевствами. Он не только ввёл правила, ограничивающие выпас оленей на территории других государств, но и закрепил за коренным населением приграничных территорий ряд традиционных прав.

Норвежские письменные источники XV века содержат упоминание о финском населении — квенах. По разным подсчётам численность квенов в современной Норвегии достигает 25 тыс. человек [13, 254]. В отношении квенов отдельной этнической политики долгое время не существовало. Они подпадали под действие общего законодательства, как и другие этнические группы, проживающие на территории Норвегии в этот период.

Аккультурация, как политическая модель, существовала в Норвегии примерно до конца XVIII века и затрагивала преимущественно сферу культуры, существующую в условиях властных отношений, основанных на экономической целесообразности, не имеющей этнической подоплёки.

Ассимиляция стала следующей моделью этнической политики по отношению к саамам, при которой одна культура полностью вытесняется другой, зачастую насильственно. В XIX веке Норвегия переживает процесс создания национального государства после принятия Эйдсволльской конституции 1814 года. Унификационные тенденции набирают силу в политической жизни страны, а ассимиляционная политика усиливается. Основным проводником ассимиляции стала система образования. Её целью было вытеснение других языков и культур, их полная «норвегизация». Изменения, прежде всего, затронули саамское население. Школьное образование стало для всех обязательным. Дети саамов, ведущих кочевой образ жизни, вынуждены были покидать свои семьи и оставаться в специальных школах-интернатах. Часто всё это происходило насильственно и становилось настоящей трагедией для саамских семей. Кроме того, с 1880-х годов действовали законы ограничивающие, а потом и вовсе запрещающие использование саамского языка.

Ассимиляционная модель выстраивалась исходя из наиболее быстрых, масштабных и поэтому эффективных методов, основанных на принуждении и максимальном использовании ресурсов государства. Такая модель не была уникальной для Норвегии, через аналогичные процессы проходили практически все государства, выстраивавшие свою национальную идентичность, почти всегда на основе культуры большинства населения. На примере Северной Норвегии, использование ассимиляционной модели привело к тому, что к середине XX века значительная часть саамской культуры оказалась утраченной, а традиционный образ жизни стал ассоциироваться с отсталостью, считаться чем-то отжившим, совершенно несовременным и практически не нужным для самих саамов, многие из которых предпочли ассоциировать себя с норвежской культурой. Традиции, язык, образ жизни, идентичность — всё это отрицалось самими носителями, ассоциировалось с «нецивилизованностью», дикостью и варварством. С точки зрения норвежского государства, ассимиляция была явлени-

ем позитивным в то время, воспринималась как «привнесение цивилизации» в отсталые общества. Ассимиляция способствовала росту национального самосознания на основе норвежской культуры, которую после долгих лет жизни в униях с Данией и Швецией пришлось «изобретать заново», собирая по крупицам в течение десятилетий XIX века.

Сегрегационная модель зачастую совмещалась с ассимиляционной моделью, которая использовалась норвежским государством в отношении квенов, когда государство устанавливало законодательные рамки для отделения данной этнической группы от остальных. Таким рамками выступали ограничения в области занятости, а также в выборе места жительства и покупке земли. Ассимиляция квенов была вызвана теми же причинами, что и ассимиляция саамов. Сегрегационные элементы были во многом обоснованы тем, что квены проживали в приграничных областях. В этом факте норвежские власти часто видели угрозу национальной безопасности, особенно в первой половине XX века. Сегрегационная модель в Норвегии действовала и в отношении евреев, особенно жёстко — в период нацистской оккупации страны. Жёсткой и ассимиляционной была политика норвежского государства и по отношению к цыганам, которым в 1890 году запретили пребывать на территории страны и получать паспорта, то есть проживать легально.

Политическая модель ассимиляции просуществовала более столетия и привела с одной стороны, к росту национального самосознания, основанного на символах норвежской культуры, а с другой, к исчезновению элементов культуры других этнических групп на территории Норвегии, прежде всего, саамов. Ассимиляция, как модель этнической политики, отвечала задачам строительства национального государства и была одним из элементов создания общенациональной культуры и идентичности. Кроме того, политические причины и экстренные военные обстоятельства объясняют сегрегацию еврейского населения в 1940-х годах. В отношении отдельных этнических групп государство применяло смешанную модель, которая сочетала ассимиляцию и элементы сегрегации.

Середина XX века, окончание Второй мировой войны, Нюрнбергский процесс, осуждение расизма, антисемитизма и иных форм дискриминации, дискуссии о правах человека и европейский либерализм привели к тому, что постепенно ассимиляционная политика в Норвегии сходит на нет. Медленно начинается процесс возрождения саамской культуры. В середине XX века саамы возвращают себе свой язык, а за ним и практически утраченные традиции и культуру, которую часто приходилось «изобретать заново», на основе того, что от неё осталось. Саамы стали особым объектом внутренней политики Норвегии, постепенно усиливая свои позиции. Во многом этому способствовало сотрудничество между саамскими

сообществами в странах Северной Европы, начавшееся в этот период. Появляются первые международные саамские организации, а в 1975 — Всемирный совет коренных народов (WCIP), где норвежские саамы — активные участники. Связывая свои проблемы с общей дискуссией о правах человека, заявляя об этом на международном уровне, норвежским саамам удастся добиться от своего правительства более мягкой политики. Ситуация меняется ещё больше в 1979 году, после протестов против строительства гидроэлектростанции на р. Альта (Alta) саамы получают Саамский парламент, несколько комитетов в национальном парламенте занимаются вопросами саамской культуры, а саамский язык получил равные права с норвежским.

Примерно в это же время в Норвегии начинается эпоха *мультикультурализма*, политической модели, основанной на признании равенства культур и ставящей своей целью создание благоприятных условий для их равного существования и развития. Модель мультикультурализма появляется как результат переосмысления широкого круга вопросов о правах человека, равенства, а её существование обусловлено торжеством европейского либерализма. Практическая реализация мультикультурализма в Норвегии стала решением, с одной стороны, проблем с коренным населением страны, которые требовали сатисфакции за годы ассимиляции, а с другой — быстро растущими темпами миграции в страну, начиная с 1980-х годов. К этому времени государство уже смогло финансировать создание и функционирование соответствующих социальных институтов, а также способствовало развитию общественных организаций мигрантов и их представительству в политической жизни страны.

Потенциальная конфликтность и трансформация этнической политики

Став благополучной в социальном отношении страной, Норвегия оказалась привлекательной для огромного количества мигрантов из разных стран мира, о чём свидетельствует статистика (рис. 1). Уже само наличие большого разнообразия этнических групп и религий объективно подразумевает потенциальную конфликтность. Несмотря на то, что толерантность, равенство и солидарность до сих пор являются основами норвежского общества, не всё выглядит так безоблачно. На отношение к мигрантам во многом влияют стереотипы, политические образы тех или иных государств, с которыми ассоциируется конкретная этническая группа, а иногда и исторические и культурные аспекты взаимодействия этнических групп, как например, в случае с мигрантами из Ближнего Востока и из Израиля. Проблемы могут возникать не только в отношениях между мигрантской группой и норвежцами, коренным населением и норвежцами или же мигрантами, но и в отношениях между отдельными мигрантскими группами.

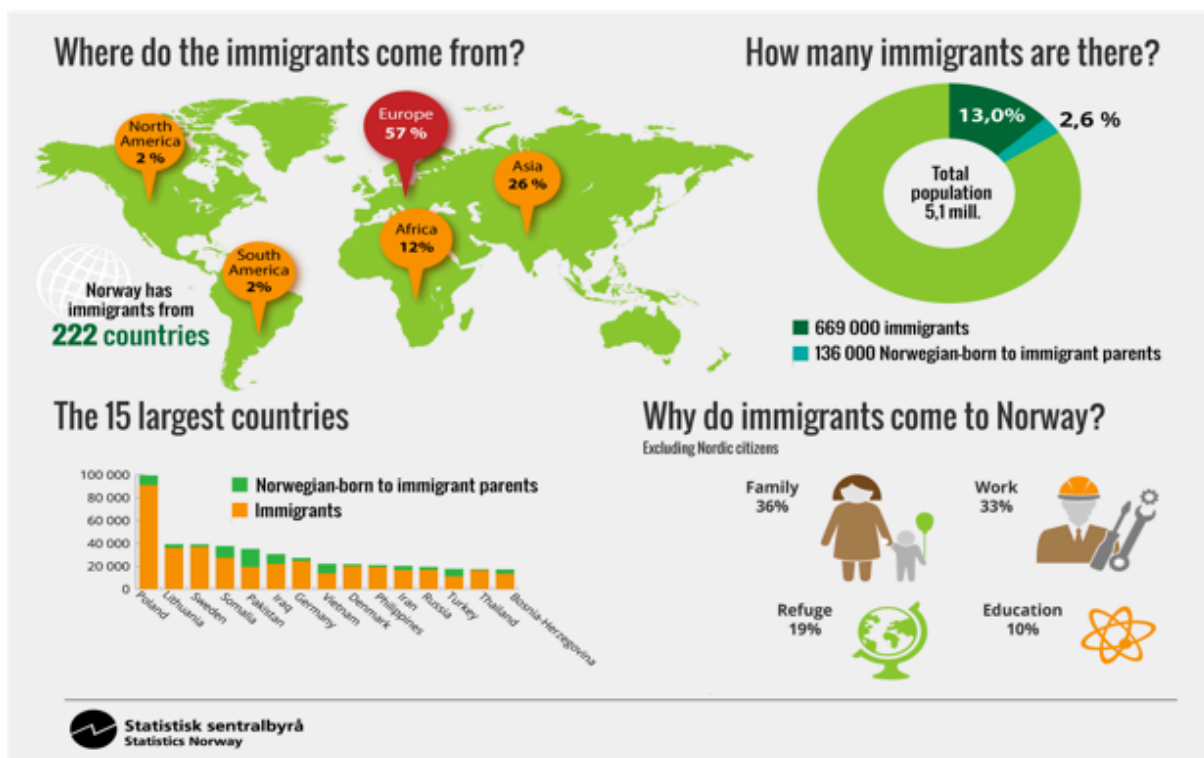

Рисунок 1. Мигранты в Норвегии (на 01.01.2015 г.)/ Statistic Norway.
URL: <http://www.ssb.no/innvandring-og-innvandrere/nokkeltall>

За последнее десятилетие общее количество мигрантов в Норвегии увеличилось в 3 раза и составляет более 800 000 человек (рис. 1). Если учесть, что население страны — чуть больше 5 млн человек, то доля мигрантов, равная 15,6%, выглядит значительной по отношению к общему числу жителей.

Норвежское Статистическое бюро прогнозирует дальнейшее увеличение количества мигрантов, особенно в столице Норвегии — городе Осло². Самые многочисленные группы мигрантов в Норвегии — шведы, латыши и поляки, однако сам термин «мигрант» с ними ассоциируется редко, обычно этот термин обозначает «не европейцев», чаще — мусульман [14, 4].

Решив свои экономические проблемы, а также пополнив все сектора экономики квалифицированной рабочей силой, а университеты прилежными студентами со всего мира, государство само создало себе дополнительные трудности. В страну с практически гомогенным населением прибыло огромное количество мигрантов с совершенно различным культурным багажом, часто без знания не только норвежского, но и английского языков, без образования (таб. 1), знания местных традиций и культуры, но желающее получать все бенефиции государства всеобщего благосостояния за счёт добросовестных налогоплательщиков.

² Statistic Norway. URL: <http://www.ssb.no/innvandring-og-innvandrere/nokkeltall> (дата обращения: 01.10.2015)

Таблица 1

**Количество иммигрантов (старше 16 лет) и уровень их образования
(на 01.01.2015 г.)**

	2010	2011	2012	2013	2014
С образованием	475 036	520 162	565 326	605 254	644 923
Без образования	8 164	8 601	9 293	9 353	12 216
Начальная школа	123 242	131 769	140 759	148 869	189 571
Средняя школа	118 880	130 005	140 198	142 284	203 277
Университет или колледж, краткосрочное образование	84 762	94 822	104 742	106 796	143 196
Университет или колледж, долгосрочное образование	45 667	52 892	60 607	63 207	95 427
Неизвестно	94 321	102 073	109 727	134 745	1 236

Источник: Statistic Norway. URL: <https://www.ssb.no/statistikkbanken/SelectVarVal/saveselections.asp>

Современная норвежская политика строится на лавировании между равенством и различиями, единством и многообразием, попыткой интегрировать «старых» граждан и «новых» с иностранным происхождением. Мультикультурализм подразумевает, что существуют отдельные этнические сообщества, политика, в отношении которых, должна учитывать их культурные и конфессиональные особенности. Среди всех этнических групп Норвегии, помимо самих норвежцев, наибольшее представительство во всех сферах жизни имеют коренные жители: равенство языков, политика самоопределения в области культуры, коллективные и индивидуальные права на земли, Саамский парламент, поддержка и развитие традиционного стиля жизни, обучение и исследования на саамском языке, саамские организации. Норвежские саамы стали лидерами мирового движения за права коренных народов, а их организации активно участвуют в региональной кооперации на Севере и в Арктике.

Для мигрантских групп в составе норвежского общества мультикультурализм выглядит несколько иначе и предполагает сохранение своей культуры при знании и принятии базовых норм норвежского общества, а именно толерантности, равенства и солидарности. Таким образом, Норвегия стремится адаптировать, а затем интегрировать группы мигрантов. Происходит это преимущественно через сферу образования и социальной поддержки. Государство финансирует курсы норвежского языка, программы страноведческого обучения, которые обязательны для того, чтобы получить долгосрочный вид на жительство и работу в Норвегии. Адаптация осуществляется через различные организации, помогающие мигрантам освоиться в стране, найти работу и новый круг общения.

Модель мультикультурного общества предполагает, что мигранты смогут сохранить свою родную культуру. С этой целью поощряются различные культурные организации и ас-

социации, которые играют значительную роль в жизни коммун. Ярким примером может послужить деятельность общества тайцев в г. Тромсё, которое уже много лет организует несколько постоянных фестивалей и участвует во всех городских мероприятиях и праздниках. Кроме того, в Норвегии можно получить образование на родном языке. Несколько десятков таких школ открыты в г. Осло — самом многонациональном городе Норвегии. Действуют специальные программы адаптации и социальной интеграции в коммунах, принимающих мигрантов, особенно беженцев. Данные программы действуют в рамках законов о мигрантах, а также государственном плане против дискриминации и расизма. Количество участников таких программ постоянно возрастает, а значит, и возрастает число потенциальных «новых» норвежцев (таб.2).

Таблица 2

Участники программ адаптации, чел (на 01.01.2015)

	2010	2011	2012	2013	2014
Мужчины	5 956	6 541	6 612	6 756	7 456
Женщины	5 889	6 253	6 532	6 925	7 223

Источник: Statistic Norway. Introduction programs for immigrants URL: <https://www.ssb.no/en/utdanning>

На практике проблемы существуют, несмотря на серьёзную государственную поддержку. На Севере Норвегии до сих пор не до конца решены разногласия в отношениях с коренным населением, которое не удовлетворено современным положением дел и настаивает на расширении своих прав на территории и контроль использования ресурсов на этих территориях. Определенная напряженность существует в отношении цыган на территории Норвегии. В 1930-е годы цыгане, не покинувшие страну, были подвергнуты насильственной ассимиляции, как и другие этнические меньшинства. Ассимиляционная политика продолжалась вплоть до 1980-х годов, а департаменты по развитию цыган закрыли лишь в 1990 году. На сегодняшний день политика в отношении цыган и их культуры изменилась к лучшему, но значительное число цыганских детей так же, как и раньше, не посещают школу. Проблема интеграции цыган до сих пор остаётся открытой.

На территории Норвегии существует ещё одна этническая группа, отношение к которой неоднозначно — евреи. Антисемитизм в Норвегии практически не проявлялся, кроме периода нацистской оккупации [14]. Однако евреи в Норвегии не пользуются одобрением (норв. — godkjennelse, anerkjennelsen). Причиной всему тот факт, что в стране увеличивается количество мусульман, а норвежское правительство неоднократно заявляло о своём сочувствии Палестине [14].

В последние годы исследователи начинают писать о неравенстве этнических групп, проживающих в Норвегии [6, 8]. Неравенство проявляется в сфере занятости, где общая доля занятых среди мигрантов или людей с иностранным происхождением намного меньше, чем среди норвежцев [8]. Именно поэтому Конфедерация норвежских компаний (NHO) неоднократно призывала своих членов к тому, чтобы брать на работу иммигрантов и норвежцев с иностранным происхождением. Статистические данные свидетельствуют о том, что в процентном соотношении безработица среди мигрантов практически в 3 раза превышает аналогичный показатель для жителей страны, не являющихся мигрантами (таб. 3).

Таблица 3

Зарегистрированный уровень безработицы мигрантов в возрасте 15—74 лет (%)

	2014 К1*	2014 К2	2014 К3	2014 К4	2015 К1	2015 К2
Не мигранты	2,1	1,9	2,2	1,9	2,2	2,0
Мигранты	7,4	7,0	7,2	6,7	7,6	7,1

*К1 – обозначение квартала, за который представлены статистические данные

Источник: Statistic Norway. URL: <https://www.ssb.no/statistikkbanken/selectvarval/saveselections.asp>

Неравенство прослеживается в выборе территорий для проживания, обвинениях в криминале, гендерном равенстве и религии. Так, например, в Осло мигранты предпочитают жить в восточной части города, а норвежцы — в западной. В прессе часто можно встретить статьи, напрямую говорящие о связи миграции и криминала [15]. Ношение хиджаба мусульманками нередко становится частью публичной дискуссии о равноправии женщин [16]. Карикатуры на Пророка Мухаммеда в датской газете были перепечатаны норвежским журналом [14, 10]. Кроме того, в норвежском обществе наблюдается исламофобия. Это подтверждают статистические данные с парламентских выборов и возрастающее количество голосов за Партию Прогресса (Fremskrittspartiet), негативно настроенную к мусульманам и исламу в Норвегии. На последних выборах 2013 года партия получила 29 мест в парламенте и впервые вошла в правительство [17].

Фокусируясь на негативных моментах этнической политики Норвегии, не стоит забывать о том, что в основной массе мультикультурализм решал самые острые проблемы межнациональных отношений таким образом, чтобы они не превращались в открытое противостояние, как в других странах Европы. Трагическим исключением стали лишь события 2011 года, заставившие обратить более пристальное внимание на недостатки мультикультурализма и скорректировать модель этнической политики. Мультикультурализм в Норвегии был явлением закономерным и полностью вписывающимся в картину первоочередных цен-

ностей норвежского общества, с его высоким уровнем толерантности и открытости для проникновения других культур. После событий 2011 года, а также прихода к власти представителя от консерваторов Эрны Сульберг ситуация несколько меняется. Тот факт что, на выборах 2013 года правоцентристы Норвегии образовали альянс с Партией Прогресса, не предвещал дальнейшей либерализации норвежской этнической политики. Однако на практике антимигрантская риторика Партии Прогресса немного поубавилась.

Рис.2. Норвегия принимает мигрантов ³.

Произошли изменения, которые затронули интересы мигрантов. Теперь в Норвегии сложнее получить статус беженца, а норвежское государство более строго контролирует предоставление социальных гарантий и льгот. В условиях падения цен на нефть и роста безработицы в отдельных секторах экономики Норвегии, страна заинтересована в квалифицирован-

³ URL: http://www.tv21.ru/img/newsimages/20151103/5_b5cd1fe03b5d.jpg; <http://s1.n1.by/sites/default/files/imagecache/full/news/10/23/892450/1445615413.jpg>; http://www.tv21.ru/img/newsimages/20151109/5_e37f702c3291.jpg

ных мигрантах в тех областях, где они не будут конкурировать с гражданами страны. С этой целью Э. Сульберг ещё в 2013 году заявила, что высококвалифицированные работники будут получать визы по ускоренной схеме [18]. Кроме того, Норвегия твёрдо дала понять европейскому сообществу, что страна не станет принимать больше мигрантов, чем предполагает её квота. В отношении коренных народов и этнических меньшинств кабинет Эрны Сульберг продолжает политику предшественников. Не так давно в прессе появились сообщения о том, что премьер-министр извинилась за политику ассимиляции, проводимую норвежским государством по отношению к цыганам до и после Второй мировой войны, и обязалась выплачивать компенсацию [19].

Заключение

Норвежская этническая политика в исторической перспективе представляет собой смену политических моделей аккультурации, ассимиляции, элементов сегрегации по отношению к отдельным этническим группам, мультикультурализма и модели, которую вслед за Т. Эриксом можно назвать моделью культурного многообразия [6]. Долгое время субъектом этнической политики являлись саамы и малочисленные мигрантские группы населения. Первоначально, политика государства по отношению к другим этническим группам формировалась на основе экономической целесообразности. Позже, формирование национально-государства, общенациональной культуры и идентичности послужило причиной смены модели на ассимиляцию и использование отдельных элементов сегрегации. События второй половины XX века в мире и перемены в самой Норвегии привели к торжеству мультикультурализма, как ответа на глобализацию, миграцию, а также появление в Норвегии полиэтнического и мультиконфессионального общества. События последних лет, дискуссии и критика мультикультурализма, а также террористические акты, не только в Норвегии, но и в других странах Европы в сочетании с мировыми кризисами, привели к изменениям в общественных настроениях и пересмотру модели этнической политики. Норвегия осталась верна базовым принципам мультикультурализма, но уже заметны тенденции к трансформации модели её этнической политики в сторону большего контроля за миграцией, расходованием бюджетных средств на программы интеграции для мигрантов, а также их эффективностью. Все это вовсе не означает стремление норвежского государства провести мягкую ассимиляцию, а наоборот предстает, как попытка вписывания других культур в свою собственную.

Лавируя между различными общественными интересами, модель этнической политики становится более чёткой. Постепенно размытый фон либерального мультикультурализма приобретает конкретные очертания *культурного многообразия*, объединённого в рамках

одного государства и гражданской идентичности. Издалека данная модель напоминает попытки советской власти в России сформировать единство в многообразии культур и национальностей, выстроить «наднациональную», гражданскую идентичность и тем самым избежать разногласий на этнонациональной и конфессиональной почве.

Относительно применимости модели этнической политики Норвегии для гармонизации этнических отношений на Севере России и в АЗРФ, можно утверждать, что стоит присмотреться к опыту Норвегии в отношении культур коренных народов и мер социальной поддержки населения, проживающего в условиях Крайнего Севера. Преимущество норвежской системы состоит в том, что она привлекательна и для коренных народов, и для мигрантов. Коренные народы получают поддержку и признание своих культур, а также возможность участия в принятии решений по вопросам, непосредственно касающимся их образа жизни, культуры и традиций. Для России вопрос поддержки культуры часто упирается в масштабы финансирования, которых зачастую недостаточно. Вопросы политического представительства и прав коренных народов сопряжены с вопросами сепаратизма и экономической целесообразности разработки природных запасов севера, а потому требуют особой адаптации к российским условиям.

В рамках норвежской модели мигранты в большинстве случаев ощущают себя желанными гостями и не испытывают негативных чувств по поводу своего предыдущего этнического или конфессионального опыта, над которым постепенно надстраивается норвежская гражданская идентичность с фундаментальными элементами норвежской культуры. Сочетая это всё с широкими возможностями социальной интеграции, Норвегия получает общество с низким уровнем этнической и конфессиональной конфликтности. Данный механизм мог бы быть использован в случае с миграцией на Север России. Однако данный аспект на сегодняшний день не так актуален из-за отрицательных демографических тенденций в северных и арктических регионах нашей страны, вызванных целым комплексом социально-экономических причин.

Литература

1. Красулин А. Андерс Брейвик: Во всем виновато НАТО. Вести. 24 июля 2011. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=517568> (дата обращения: 01.10.2015)
2. Barth F. Ethnic groups and boundaries. Social organization of cultural difference. Illinois: Waveland Press Inc., 1998. 153 p.
3. Smith L.T. Decolonizing Methodologies. Research and Indigenous people. London-NY: Zed Books Ltd, 1999, 220 p.

4. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
5. Andersen B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London-NY: Verso, 2006. 240 p.
6. Eriksen T.H. Immigration and national identity in Norway. Oslo: University of Oslo, 2013. 22 p.
7. Eriksen T.H. Xenophobic exclusion and the new right in Norway *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2012 Vol. 22 No 3, pp. 206—209
8. Sjølt S., Wessel T. Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policies. Oslo, 2010. 69 p.
9. Niemi E. Ethnic Groups, naming and Minority Policy. In Elenius L., Karlsson Chr. (Eds.): *Cross-cultural communication and ethnic identities: proceedings II from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006*. Luleå: Luleå University of Technology, 2007, pp. 21—35
10. Anderson M. The debate about multicultural Norway before and after 22 July 2011. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2012. Vol 19. No 4, pp. 418—427
11. Голдин В. И., Зайков К. С., Тамицкий А. М. Саамы в истории российско-норвежской границы: фактор напряжённости или региональной интеграции? // Былые годы. Российский исторический журнал, 2015. Vol. 37. No. 3. URL: http://bg.sutr.ru/journals_n/1442664611.pdf (дата обращения: 01.10.2015)
12. Myklebost K., Niemi E. Minoritets-og urfolkspolitikk i nord. *Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814-1917*/ J.P. Nielsen(red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2014, 643 p.; *Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917—2014*/S.G. Holtmark (red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2015, pp. 318—342
13. Ливанова А.Н. Финны в Норвегии. *Скандинавские чтения 2006—2007*. Отв. ред. И. Б. Губанов, Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 254—263
14. Moore H. F. Immigration in Denmark and Norway: Protecting Culture or Protecting Rights? *Scandinavian Studies*, 2010. Vol. 82, No. 3. pp. 355—364
15. Norway: Crime Drops as Police Deport Record Number of Nonwhite Invaders. *The New Observer*. 13 November 2014. URL: <http://newobserveronline.com/norway-crime-drops-police-deport-record-number-nonwhite-invaders/> (дата обращения: 01.10.2015)
16. Bangstad S. Public Voice of a Muslim woman. URL: <http://blogs.ssrc.org/tif/2015/08/05/the-public-voice-of-muslim-women/> (дата обращения: 01.10.2015)
17. Widfeldt A. *Extreme right in Scandinavia*, London-NY: Routledge, 2015. pp. 82—127
18. Norway wants more migrant workers. *The Nordic Page*. 27.12.2013. URL: <http://www.tnp.no/norway/panorama/4207-norway-want-more-migrant-workers> (дата обращения: 01.01.2015)
19. Solsvik T. Norway's prime minister apologizes for treatment of Romas during World War Two. *REUTERS CANADA*. 08. April 2015. URL: <http://ca.reuters.com/article/topNews/id-CAKBN0M22N20150408> (дата обращения: 01.10.2015)

References

1. Krasulin A. Anders Brejvik: Vo vsem vinovato NATO. *Vesti*. 24 iyulya 2011. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=517568> (Accessed: 01.10.2015)

2. Barth F. Ethnic groups and boundaries. Social organization of cultural difference. Illinois: Waveland Press Inc., 1998. 153 p.
3. Smith L. T. Decolonizing Methodologies. Research and Indigenous people. London-NY: Zed Books Ltd, 1999, 220 p.
4. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
5. Andersen B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London-NY: Verso, 2006. 240 p.
6. Eriksen T.H. Immigration and national identity in Norway. Oslo: UiO, 2013. 22 p.
7. Eriksen T.H. Xenophobic exclusion and the new right in Norway Journal of Community & Applied Social Psychology, 2012 Vol. 22 No 3, pp. 206—209
8. Sølt S., Wessel T. Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policies. Oslo, 2010. 69 p.
9. Niemi E. Ethnic Groups, naming and Minority Policy. In Elenius L., Karlsson Chr. (Eds.): Cross-cultural communication and ethnic identities: proceedings II from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006. Luleå: Luleå University of Technology, 2007, pp. 21—35
10. Anderson M. The debate about multicultural Norway before and after 22 July 2011. Identities: Global Studies in Culture and Power, 2012. Vol 19. No 4, pp. 418—427
11. Goldin V. I., Zajkov K. S., Tamickij A. M. Saamy v istorii rossijsko-norvezhskoj granicy: faktor napryazhyonnosti ili regionalnoj integracii? Blye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal, 2015. Vol. 37. No. 3. URL: http://bg.sutr.ru/journals_n/1442664611.pdf (Accessed: 01.10.2015)
12. Myklebost K., Niemi E. Minoritets-og urfolkspolitikk i nord. Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814-1917/ J.P. Nielsen(red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2014, 643 p.; Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917—2014/S.G. Holtmark (red.). Oslo: Pax forlag A/S, 2015, pp. 318—342
13. Livanova A.N. Finny v Norvegii. Skandinavskie chteniya 2006—2007. Otv. red. I. B. Gubanov, T. A. Shrader. SPb.: MAE' RAN, 2008. C. 254—263
14. Moore H. F. Immigration in Denmark and Norway: Protecting Culture or Protecting Rights? Scandinavian Studies, 2010. Vol. 82, No. 3. pp. 355—364
15. Norway: Crime Drops as Police Deport Record Number of Nonwhite Invaders. The New Observer. 13 November 2014. URL: <http://newobserveronline.com/norway-crime-drops-police-deport-record-number-nonwhite-invaders/> (Accessed: 01.10.2015)
16. Bangstad S. Public Voice of a Muslim woman. URL: <http://blogs.ssrc.org/tif/2015/08/05/the-public-voice-of-muslim-women/> (Accessed: 01.10.2015)
17. Widfeldt A. Extreme right in Scandinavia, London-NY: Routledge, 2015. pp. 82—127
18. Norway wants more migrant workers. The Nordic Page. 27.12.2013. URL: <http://www.tnp.no/norway/panorama/4207-norway-want-more-migrant-workers> (Accessed: 01. 01.2015)
19. Solsvik T. Norway's prime minister apologizes for treatment of Romas during World War Two. REUTERS CANADA. 08. April 2015. URL: <http://ca.reuters.com/article/topNews/id-CAKBN0M222N20150408> (Accessed: 01.10.2015)

Рецензент: Максимов Антон Михайлович,
кандидат политических наук, доцент